

Т. Ливий

История Рима от основания Города

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т11

T11   **Т. Ливий**
История Рима от основания Города: Том 1 / Т. Ливий – М.: Книга по Требованию, 2023. – 576 с.

ISBN 978-5-4241-3515-6

Тит Ливий - одно из значительнейших имен в литературе так называемого золотого века Древнего Рима. Однако прежде всего с именем этого автора связан его гигантский, эпохальный научный труд «История Рима от основания Города» произведение, сравнимое поисторической и историографической ценности лишь с «Историей» Геродота и «Жизнью двенадцати цезарей» Светония.

ISBN 978-5-4241-3515-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ РЕДАКЦИИ

Тит Ливий (59 г. до н. э.—17 г. н. э.) припадлежит к той блестящей плеяде писателей и поэтов, мыслителей и историков, которых принято относить к так называемому золотому веку древнеримской литературы. Ливий был младшим современником Цицерона, Саллюстия и Вергилия, старшим — Овидия и Проперция, почти ровесником Горация и Тибулла. Сочинения всех этих авторов в течение последних лет были изданы у нас отчасти в новых переводах, отчасти в прошедших проверку временем старых. Настоящее издание, впервые представляющее на русском языке сохранившееся литературное наследие Ливия в столь полном виде, с обширной пояснительной статьей и научными комментариями, призвано восполнить имеющийся пробел.

Ливий писал диалоги общественно-философского содержания, трактаты по риторике, но все они невозвратно пропали, и мировая слава его основана на единственном сочинении, которое сохранилось далеко не полностью и которое по традиции принято именовать «История Рима от основания Города». Именно его русский перевод и составляет содержание трех томов, ныне предлагаемых вниманию читателя. В своем изначальном виде этот труд охватывал события римской истории от легендарных ее истоков до гражданских войн и установления империи, т. е. эпохи, современником которой был автор. Из 142 книг, составлявших грандиозную эпопею, до нашего времени дошло 35 книг — с первой по десятую и с двадцать первой по сорок пятую, освещающие события до 293 и с 219 до 167 г. до н. э. О содержании других книг известное представление дают созданные еще в древности краткие их изложения — «перисхи», или «эпитомы». Перевод их также включен в настоящее издание (см. т. III).

Труд Ливия был оценен как одно из высших проявлений римской духовной культуры уже современниками — восторженные отзывы о нем тянутся через всю эпоху ранней Римской империи. Одного из величайших историков древности видело в нем и Новое время — от Данте и Макиавелли до русских декабристов.

Историческая оценка и значение Ливия для наших дней основана на трех моментах.

Во-первых, при всех очевидных недостатках, которые в свете современных научных требований обнаруживаются в труде Ливия (отсутствие анализа социально-экономических процессов, некритическое компилирование данных предшествующих историков, почти полное невнимание к подлинным документам, некомпетентность в описании военных действий), он тем не менее остается главным нашим источником по истории республиканского Рима. Большинство фактов, сообщаемых Ливием, находят прямое или косвенное подтверждение в других источниках и могут считаться вполне надежными. Ни один человек — будь то профессиональный историк или любитель, — желающий представить себе историю Рима эпохи царей, Ранней и Средней республики, не может обойтись без сочинения Ливия.

Во-вторых, при всем однообразии и утомительности многих пассажей «Истории Рима от основания Города», где перечисляются выбранные на данный год магистраты, описываются молебства богам или повторяются стандартные картины сражений и осад, книга в целом обладает огромной силой художественного воздействия. В античную эпоху Ливия ценили прежде всего за риторическое совершенство говестования. Передать это через две тысячи лет в переводе, тем более выполненнном многими переводчиками, удается далеко не всегда. Но, читая настоящую книгу, современный читатель бесспорно чувствует еще одну сторону знаменитого Ливиева красноречия: его мастерство в создании образов — как людей, так и событий. На протяжении уже многих веков в духовное достояние каждого культурного европейца входят созданные Ливием яркие образы людей той эпохи — Брут, Ганнибал, старый Катон, Фабий Максим, воображение поражают исполненные глубокого драматизма сцены самоубийства Лукреции, разгрома римлян в Кавдинском ущелье и т. д. Невозможно представить себе европейскую культурную традицию и без запоминающихся речей — трибуна Канулея к народу, консулярия Фламинина к эллинам, полководца Сципиона к легионам и многого, многого другого.

В-третьих, Ливий — в большей мере, чем кто либо другой из древних авторов — создатель хрестоматийного величественного и

идеального образа древнего республиканского Рима, родины гражданского и воинского героизма, воплощения совершенного общественного устройства, цитадели законности и права. Образ этот находится в кричащем противоречии с непосредственной исторической реальностью: республиканский Рим жил войной и для войны, ненасытно захватывая все новые богатства, все новые города и страны; власть была сосредоточена в руках аристократии, а народ фактически оттеснен от решения государственных дел; законы постоянно и цинично нарушались богачами и властью имущими. И тем не менее образ, созданный Титом Ливием, не был ни выдумкой, ни пропагандистской фикцией, ни наивным заблуждением. Народ Рима действительно выстоял в страшных испытаниях голодом, обездвижением, истребительными внешними войнами и разрухой, порожденной войнами гражданскими. Римское государство действительно нашло в себе силы веками преодолевать свои внутренние противоречия, развиваться и крепнуть, меняться, непрестанно и чутко откликаясь на требования жизни, и в то же время оставаться самим собой. Созданный Римом конгломерат народов и провинций в конечном счете действительно обеспечил их выживание, определенное развитие их производительных сил и приобщение к более высоким формам цивилизации.

Созданный Ливием образ великого и вечного Рима не только противоречил действительности, но в ином смысле и соответствовал ей, был отличен от повседневной жизненной практики, но и был с ней неразрывно связан, представлял собой ту особую историческую и духовную структуру, жившую на грани общественной реальности и общественного идеала, которая впоследствии получила название «римский миф». На протяжении тысячи лет жил этот миф в римском историческом предании, внятом каждому гражданину Города с раннего детства, влиял на его поведение, а следовательно, и на судьбы государства. И позже, на протяжении еще многих веков, продолжал он оказывать мощное воздействие на всю культуру Европы, черпавшей в нем примеры сурового патриотизма, верности общественному долгу и самоотверженного служения отчизне.

Именно в этом — непреходящее общественно-историческое значение книги, к чтению которой, глубокоуважаемый читатель, Вы теперь приступаете. В добный путь!

* * *

Настоящее издание подготовлено коллективом переводчиков — филологов-классиков и историков античности. Объем и характер работы, выполненной каждым из членов авторского коллектива, отражен на титульном листе и в содержании отдельных томов. Особо должна быть отмечена роль тех наших коллег, которым не суждено увидеть эту книгу, но без энергии, опыта и энтузиазма которых это издание вряд ли могло бы осуществиться. Речь идет о Марии Ефимовне Сергеенко, выполнившей перевод центральной, третьей, декады «Истории Рима от основания Города», и о Сергееве Александровиче Ошерове и Феликсе Наумовиче Арском — именно им принадлежит замысел всего издания, именно ими разработаны его структура и принципы, сформирован первоначальный авторский коллектив. Первый полный русский Тит Ливий навсегда останется данью их светлой памяти.

Издание осуществлялось в трудных условиях, и авторский коллектив полностью отдает себе отчет в том, что он бы не смог с ними справиться без постоянной дружеской поддержки и помощи как издателей, так и коллег-античников.

В редактировании переводов принимал участие В. М. Смириц.

КНИГА I

ПРЕДИСЛОВИЕ

(1) Создам ли я нечто, стоящее труда, если опишу действия народа римского от первых начал Города, того твердо не знаю, да и знал бы, не решился бы сказать, (2) ибо вижу — затея эта и старая, и не необычная, коль скоро все новые писатели верят, что дано им либо в изложении событий приблизиться к истине, либо превзойти неискусную древность в умении писать¹. (3) Но, как бы то ни было, я найду радость в том, что и я, в меру своих сил, постарался увековечить подвиги первенствующего на земле народа; и, если в столь великой толпе писателей слава моя не будет заметна, утешеньем мне будет знатность и величие тех, в чьей тени окажется мое имя. (4) Сверх того, самый предмет требует трудов непомерных — ведь надо углубиться в минувшее более чем на семьсот лет, ведь государство, начав с малого, так разрослось, что страдает уже от своей громадности; к тому же рассказ о первоначальных и близких к ним временах, не сомневаюсь, доставит немного удовольствия большинству читателей — они поспешат к событиям той недавней поры, когда силы народа, давно уже могущественного, истребляли сами себя²; (5) я же, напротив, и в том буду искать награды за свой труд, что, хоть на время — пока всеми мыслями устремляюсь туда, к старине,— отвлекусь от зрелица бедствий, свидетелем которых столько лет было наше поколение³, и освобожусь от забот, способных если не отклонить пишущего от истины, то смутить его душевный покой. (6) Рассказы о событиях, предшествовавших основанию Города и еще более ранних, приличны скорее твореньям поэтов, чем строгой истории, и того, что в них говорится, я не намерен ни утверждать, ни опровергать⁴. (7) Древности простительно, мешая человеческое с божественным, возвеличивать начала городов; а если какомунибудь народу позволительно освящать свое происхождение и возводить его к богам, то военная слава народа римского такова, что, назови он самого Марса своим предком и отцом своего родоначальника, племена людские и это снесут с тем же покорством, с каким сносят власть Рима. (8) Но подобного рода рассказам, как бы на них ни смотрели и что бы ни думали о них люди, я не придаю большой важности. (9) Мне бы хотелось, чтобы каждый читатель в меру своих сил задумался над тем, какова была жизнь, каковы нравы, каким людям и какому образу действий — дома ли, на войне ли — обязана держава своим

зарожденьем и ростом; пусть он далее последует мыслью за тем, как в нравах появился сперва разлад, как потом они зашатались и, наконец, стали падать неудержимо, пока не дошло до нынешних времен⁵, когда мы ни пороков наших, ни лекарства от них переносить не в силах. (10) В том и состоит главная польза и лучший плод знакомства с событиями минувшего, что видишь всякого рода поучительные примеры в обрамленье величественного целого; здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же — чего избегать: бесславные начала, бесславные концы⁶.

(11) Впрочем, либо пристрастность к взятыму на себя делу вводит меня в заблужденье, либо и впрямь не было никогда государства более великого, более благочестивого, более богатого добрыми примерами, куда алчность и роскошь проникли бы так поздно, где так долго и так высоко чтили бы бедность и бережливость. Да, чем меньше было имущество, тем меньшею была жадность; (12) лишь недавно богатство привело за собою корыстолюбие, а избыток удовольствий — готовность погубить все ради роскоши и телесных утех⁷.

Не следует, однако, начинать такой труд сетованиями, которые не будут приятными и тогда, когда окажутся неизбежными; с добрых знамений и обетов предпочли бы мы начать, а будь то у нас, как у поэтов, в обычай — и с молитв богам и богиням, чтобы они даровали начатому успешное завершение.

1. (1) Прежде всего достаточно хорошо известно, что по взятии Трои ахейцы жестоко расправились с троянцами: лишь с двоими, Энеем⁸ и Антенором⁹, не поступили они по законам войны — и в силу старинного гостеприимства, и потому что те всегда советовали предпочтеть мир и выдать Елену. (2) Обстоятельства сложились так, что Антенор с немалым числом энетов, изгнанных мятеjjом из Пафлагонии и искавших нового места, да и вождя взамен погибшего под Троей царя Пилемена, прибыл в отдаленнейший залив Адриатического моря (3) и по изгнании евгапеев, которые жили меж морем и Альпами, энеты с троянцами владели этой землей. Место, где они высадились впервые, зовется Троей, потому и округа получила имя Троянской, а весь народ называется венеты.

(4) Эней, гонимый от дома таким же несчастью, но ведомый судьбою к иным, более великим начинаниям, прибыл сперва в Македонию, оттуда, ища где осесть, занесен был в Сицилию, из Сицилии на кораблях направил свой путь в Лаврентскую область¹⁰. Троей именуют и эту местность. (5) Высадившиеся тут троянцы, у которых после бесконечных скитаний ничего не осталось, кроме оружия и кораблей, стали угнать с полей скот; царь Латин и аборигены, владевшие тогда этими местами, сошлись с оружием из города и с полей, чтобы дать отпор при-

шельцам. (6) Дальше рассказывают двояко. Одни передают, что разбитый в сражении Латин заключил с Энеем мир, скрепленный потом свойством; (7) другие — что оба войска выстроились к бою, но Латин, прежде чем трубы подали знак, выступил в окружении знати вперед и вызвал вождя пришлецов для переговоров. Расспросив, кто они такие, откуда пришли, что заставило их покинуть дом и чего они ищут здесь, в Лаврентской области, (8) и услыхав в ответ, что перед ним троянцы, что вождь их Эней, сын Анхиза и Венеры, что из дому их изгнала гибель отечества и что ищут они, где им остановиться и основать город, Латин подивился знатности народа и его предводителя, подивился силе духа, равно готового и к войне и к миру, и протянул руку в залог будущей дружбы. (9) После этого вожди заключили союз, а войска обменялись приветствиями. Эней стал гостем Латина, и тут Латин пред богами-пенатами¹¹ скрепил союз меж народами союзом между домами — выдал дочь за Энея. (10) И это утвердило троянцев в надежде, что скитания их окончены, что они осели прочно и навеки. Они основывают город; (11) Эней называет его по имени жены Лавинией¹². Вскоре появляется и мужское потомство от нового брака — сын, которому родители дают имя Асканий.

2. (1) Потом аборигены и троянцы вместе подверглись нападению. Турн, царь рутулов¹³, за которого была просватана до прибытия Энея Лавиния, оскорбленный тем, что ему предпочли пришлца, пошел войной на Энея с Латином. (2) Ни тому, ни другому войску не принесла радости эта битва: рутулы были побеждены, а победители — аборигены и троянцы — потеряли своего вождя Латина. (3) После этого Турн и рутулы, отчаявшись, прибегают к защите могущественных тогда этрусков и обращаются к их царю Мезенцию, который властвовал над богатым городом Цере¹⁴ и с самого начала совсем не был рад рождению нового государства, а теперь решил, что оно возвышается намного быстрее, чем то допускает безопасность соседей, и охотно объединился с рутулами в военном союзе.

(4) Перед угрозою такой войны Эней, чтобы расположить к себе аборигенов и чтобы не только права были для всех едиными, но и имя, нарек оба народа латинами. (5) С той поры аборигены не уступали троянцам ни в рвении, ни в преданности царю Энею. Полагаясь на такое одушевление двух народов, с каждым днем все более сживавшихся друг с другом, Эней пренебрег могуществом Этрурии¹⁵, чьей славой полнилась и суша, и даже море вдоль всей Италии от Альп до Сицилийского пролива, и, хотя мог найти защиту в городских стенах, выстроил войско к бою. (6) Сражение было удачным для латинов, для Энея же оно стало последним из земных дел. Похоронен он (человеком ли надлежит именовать его или богом) над рекою Нумиком; его называют Юпитером Родонаачальником¹⁶.

3. (1) Сын Энея, Асканий, был еще мал для власти, однако власть эта оставалась неприкасновенной и ждала его, пока он не возмужал: все это время латинскую державу — отцовское и дедовское наследие — хранила для мальчика женщина: таково было дарование Лавинии. (2) Я не стану разбирать (кто же о столь далеких делах решится говорить с уверенностью?), был ли этот мальчик Асканий или старший его брат, который родился от Креусы еще до разрушения Илиона, а потом сопровождал отца в бегстве и которого род Юлиев называет Юлом, возводя к нему свое имя¹⁷. (3) Этот Асканий, где бы ни был он рожден и кто бы ни была его мать (достоверно известно лишь, что он был сыном Энея), видя чрезмерную многолюдность Лавиния, оставил матери — или мачехе — уже цветущий и преуспевающий по тем временам город, а сам основал у подножья Альбанской горы другой, протянувшийся вдоль хребта и оттого называемый Альбой Лонгой¹⁸. (4) Между основанием Лавиния и выведением поселенцев в Альбу прошло около тридцати лет. А силы латинов возросли настолько — особенно после разгрома этрусков, — что даже по смерти Энея, даже когда правила женщина и начал привыкать к царству мальчик, никто — ни царь Мезенций с этрусками, ни другой какой-нибудь сосед — не осмеливался начать войну. (5) Границей меж этрусками и латинами, согласно условиям мира, должна была быть река Альбула, которую ныне зовут Тибром.

(6) Потом царствовал Сильвий, сын Аскания, по какой-то случайности рожденный в лесу¹⁹. От него родился Эней Сильвий, а от того — Латин Сильвий, (7) который вывел несколько поселений, известных под названием «Старые латины»²⁰. (8) От этих пор прозвище Сильвиев закрепилось за всеми, кто царствовал в Альбе. От Латина родился Альба, от Альбы Атис, от Атиса Капис, от Каписа Капет, от Капета Тибери, который, утопув при переправе через Альбулу, дал этой реке имя, вошедшее в общее употребление²¹. (9) Затем царем был Агриппа, сын Тибериана, после Агриппы царствовал Ромул Сильвий, унаследовав власть от отца. Пораженный молнией, он оставил наследником Авентина. Тот был похоронен на холме, который ныне составляет часть города Рима²², и передал этому холму свое имя. (10) Потом царствовал Прока. От него родились Нумитор и Амулий; Нумитору, старшему, отец завещал старинное царство рода Сильвиев. Но сила одержала верх над отцовской волей и над уважением к старшинству: оттеснив брата, воцарился Амулий. (11) К преступлению прибавляя преступление, он истребил мужское потомство брата, а дочь его, Рею Сильвию, под почетным предлогом — избрав в весталки — обрек на вечное девство²³.

4. (1) Но, как мне кажется, судьба предопределила и зарождение столь великого города, и основание власти, уступающей лишь могуществу богов. (2) Весталка сделалась жертвой пасиля и родила двойню, отцом же объявила Марса — то ли веря в

это сама, то ли потому, что прегрешенье, виновник которому бог,— меньшее бесчестье. (3) Однако ни боги, ни люди не защищали ни ее самое, ни ее потомство от царской жестокости. Жрица в оковах была отдана под стражу, детей царь приказал бросить в реку. (4) Но Тибр как раз волей богов разлился, покрыв берега стоячими водами,— нигде нельзя было подойти к руслу реки, и тем, кто принес детей, оставалось надеяться, что младенцы утонут, хотя бы и в тихих водах. (5) И вот, кое-как исполнив царское поручение, они оставляют детей в ближайшей заводи — там, где теперь Румиальская смоковница²⁴ (раньше, говорят, она называлась Ромуловой). Пустынны и безлюдны были тогда эти места. (6) Рассказывают, что, когда вода схлынула, оставив лоток с детьми на суще, волчица с соседних холмов, бежавшая к водопою, повернула на детский плач. Пригнувшись к младенцам, она дала им свои сосцы и была до того ласкова, что стала облизывать детей языком; так и нашел ее смотритель царских стад, (7) звавшийся, по преданию, Фавстулом. Он принес детей к себе и передал на воспитание своей жене Ларенции. Иные считают, что Ларенция звалась среди пастухов «волчицей», потому что отдавалась любому,— отсюда и рассказ о чудесном спасении²⁵. (8) Рожденные и воспитанные как описано выше, близнецы, лишь только подросли, стали, не пренебрегая и работой в хлевах или при стаде, охотиться по лесам. (9) Окрепнув в этих занятиях и телом и духом, они не только травили зверей, но нападали и на разбойников, нагруженных добычей, а захваченное делили меж пастухами, с которыми разделяли труды и потехи; и со дня на день шайка юношей все росла.

5. (1) Предание говорит, что уже тогда на Палатинском холмеправляли существующее поныне празднество Луперкалии²⁶ и что холм этот был назван по аркадскому городу Паллантею Паллантийским, а потом Палатинским²⁷. (2) Здесь Евандр, аркадянин, намного ранее владевший этими местами, завел принесенный из Аркадии ежегодный обряд, чтобы юноши бегали нагими, озорством и забавами чествуя Ликейского Пана, которого римляне позднее стали называть Инуем²⁸. (3) Обычай этот был известен всем, и разбойники, обозленные потерей добычи, подстерегали юношей, увлеченных праздничною игрой: Ромул отился силой, Рема же разбойники схватили, а схватив, передали царю Амулию, сами выступив обвинителями. (4) Винили братьев прежде всего в том, что они делали набеги на земли Нумитора и с шайкою молодых сообщников, словно враги, угоняли оттуда скот. Так Рема передают Нумитору для казни.

(5) Фавстул и с самого начала подозревал, что в его доме воспитывается царское потомство, ибо знал о выброшенных по царскому приказу младенцах, а подобрал он детей как раз в ту самую пору; но он не хотел прежде времени открывать эти обстоятельства — разве что при случае или по необходимости. (6)

Необходимость явилась первой, и вот, принуждаемый страхом, он все открывает Ромулу. Случилось так, что и до Нумитора, державшего Рема под стражей, дошли слухи о братьях-близнецах, он задумался о возрасте братьев, об их природе, отнюдь не рабской, и его душу смутило воспоминанье о внуках. К той же мысли привели Нумитора расспросы, и он уже был недалек от того, чтобы признать Рема. Так замыкается кольцо вокруг царя. (7) Ромул не собирает своей шайки — для открытого столкновения силы не были равны,— но, назначив время, велит всем пастухам прийти к царскому дому — каждому иной дорогой — и нападает на царя, а из Нумиторова дома спешит на помощь Рем с другим отрядом. Так был убит царь.

6. (1) При первых признаках смятения Нумитор, твердя, что враги, мол, ворвались в город и напали на царский дом, увел всех мужчин Альбы в крепость, которую-де надо занять и удерживать оружием; потом, увидав, что кровопролитье свершилось, а юноши приближаются к нему с приветствиями, тут же созывает сходку и объявляет о братниных против него преступлениях, о происхождении внуков — как были они рождены, как воспитаны, как узнаны,— затем об убийстве тирана и о себе как зачинщике всего дела. (2) Юноши явились со всем отрядом на сходку и приветствовали деда, называя его царем; единодушный отклик толпы закрепил за ним имя и власть царя.

(3) Когда Нумитор получил таким образом Альбанское царство, Ромула и Рема охватило желанье основать город в тех самых местах, где они были брошены и воспитаны. У альбанцев и латинов было много лишнего народу, и, если сюда прибавить пастухов, всякий легко мог себе представить, что мала будет Альба, мал будет Лавиний в сравнении с тем городом, который предстоит основать. (4) Но в эти замыслы вмешалось наследственное зло, жажда царской власти и отсюда — недостойная расправа, родившаяся из вполне мирного начала. Братья были близнецы, различие в летах не могло дать преимущества ни одному из них, и вот, чтобы боги, под чьим покровительством находились те места, птичьим знаменем²⁹ указали, кому наречь своим именем город, кому править новым государством, Ромул местом наблюдения за птицами избрал Палатин, а Рем — Авентин.

7. (1) Рему, как передают, первому явилось знаменье — шесть коршунов,— и о знамении уже возвестили, когда Ромулу представило двойное против этого числа птиц. Каждого из братьев толпа приверженцев провозгласила царем; одни придавали больше значения первенству, другие — числу птиц. (2) Началась перебранка, и взаимное озлобление привело к кровопролитию; в сумятице Рем получил смертельный удар. Более распространен, впрочем, другой рассказ — будто Рем в насмешку над братом перескочил через новые стены и Ромул в гневе убил его, воскликнув при этом: «Так да погибнет всякий, кто перескочит через мои сте-